
Владимир Иванович
Форосенко

**Благодаря
моей формулировке
мы выиграли за два года
50 млн долларов!**

В конце 60-х я закончил факультет международных валютно-кредитных отношений Финансового института. Его после закрытия возродили в 1961 году и набирали по одной группе (примерно 20 человек). Я был в третьем выпуске. Вместе со мной учился Юрий Николаевич Кондрачук (известный в дальнейшем, в частности, тем, что стал первым председателем Биржевого совета Московской межбанковской биржи, а также своим участием в создании Международного Московского Банка).

На тот момент МФИ был самой квалифицированной финансовой школой в СССР. Лекции по большинству предметов читала очень сильная профессура. Так, «Денежное обращение и кредит» читал у нас легендарный профессор Геращенко (отец всем известного В. В. Геращенко). «Финансы» преподавал профессор Злобин — бывший министром финансов при Сталине. Занятия по бухучёту вёл сын героя Великой отечественной войны генерала Карбышева, личность весьма необычная. Он обладал отточенным чувством юмора и незаурядной, прямо фантастической памятью, которую нам на занятиях охотно демонстрировал, вызывая неподдельное восхищение всех студентов. Ну, а «Историю экономических учений» читал такой «мастодонт» марксистской экономической теории, как профессор Реуэль, про которого говорили, что он знает «Капитал» Маркса наизусть. В это вполне верилось, ведь он являлся автором уникального «поисковика» — предметного указателя к «Капиталу», составленного между прочим безо всякого компьютера (!) (про «компы» мы тогда ещё и не знали), а просто вручную, при помощи накопления картотеки и бесконечного перечитывания «первоисточника». Вот такие были времена!

Надо отдать должное прежней системе высшего образования — нашу подготовку стремились максимально приблизить к практике. Уже на третьем курсе на специальные предметы к нам приходили действующие зампреды, начальники управлений Госбанка, Стройбанка и Внешторгбанка СССР. Позже, накопив практический опыт работы, я и сам также вел занятия в МФИ, в частности по межбанковским «корреспондентским отношениям». И, надо сказать, не без пользы для себя, поскольку стал в связи с этим как-то системнее видеть тот круг вопросов, которыми занимался.

После четвертого курса и сдачи госэкзаменов мы проходили преддипломную практику — один год. Я был направлен во Внешторгбанк, тоже еще молодой тогда банк. В то время в нем работало человек 350 (а когда я уходил из него в 1992 году, там было более 3,5 тысяч сотрудников). У нас была специальная программа — две недели на одном рабочем ме-

В. И. Форосенко

1967

Инспектор, экономист, старший экономист, консультант, зам. начальника и начальник отдела корреспондентских отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки Внешторгбанка СССР

1975–1981

Представитель Внешторгбанка в Северной Африке

1981–1985

Главный консультант Правления Внешторгбанка

1985–1987

Заместитель генерального управляющего Сингапурским отделением Московского народного банка

1987–1991

Директор представительства Внешторгбанка в Аргентине

сте, например, помощником в управлении расчетов по импорту, затем две недели в валютном управлении. И так далее, пока не помотришь все, чем занимается Внешторгбанк.

Многие однокурсники относились к этой самой практике как к последнему глотку студенческой вольницы и не особенно задерживались в банке: в молодые годы есть, так сказать, вопросы и поинтересней... А мне работа очень понравилась, особенно в Валютном управлении. Вскоре, ещё до защиты диплома, то есть ещё оставаясь студентом, я был принят на должность инспектора именно в это управление. Почему-то определили мне заниматься странами французской Африки. Должно быть, на тот момент специалистов с французским языком в банке было мало. Вот и решили, что если я в институте учил испанский, то справлюсь и с французским, входящим в ту же языковую группу. Так я и «поплыл» развивать сотрудничество — помогать национально-освободительному движению народов Африки! Магриб (Алжир, Тунис, Марокко), Сенегал, Камерун... Где-то через полгода я уже неплохо разбирался в банковских документах на французском. Параллельно начал учить английский язык, и мне дополнительно дали английскую зону Африки. Позже добавились Япония, Юго-Восточная Азия и Латинская Америка. Таким образом, число стран, корреспондентские отношения с которыми я вел, в конце концов выросло до 144! Больше, чем в то время было членов ООН. Ярким впечатлением стала первая командировка за рубеж. Это был Тунис. Тогда у нас там зависло порядка трех миллионов долларов в расчетах (очень серьёзные по тем временам средства). Надо было выяснять, где они «потерялись», и добиться их перевода в СССР. Банковская система Туниса, как и некоторых других стран третьего мира, в то время была весьма далека от совершенства, короткошения мы поддерживали в основном с Центральным банком, поэтому мне для полной расчистки вопроса понадобился месяц. За это время, работая и с аккредитивами, и с инкассо, и с переводами и переходя, соответственно, из департамента в департамент, удалось как бы изнутри посмотреть систему банковской работы, отлич-

ную от нашей. Это было важно для дальнейшей работы с развивающимися странами.

Из «сопутствующих» впечатлений от той поездки вспоминаются неестественно чистые улицы, которые моют чуть не шампунем, и сплошь белые дома мавританского стиля с красивейшими коваными решётками. А ещё своим восточным блеском поразил «золотой» базар, куда привели подивиться ребята из Торгпредства. Это было начало 70-х годов, и у нас ничего такого, естественно, не было. Вообще же наши люди из Торгпредства и других организаций жили тогда там очень замкнуто: выход с территории представительства очень ограничен и регламентирован, в 7 часов вечера все должны быть на местах. Женщины в город вообще практически не выходили, ну разве только организовано за продуктами раз в неделю. Я так представляю, что нелегко всё это было чисто психологически.

Отдельно хочется здесь сказать о тогдашней системе оформления в заграникомандировку. Вот, допустим, возникает банковский вопрос, по которому нужно поехать, провести переговоры и решить его. На командируемого пишется характеристика, рассматривается сначала на партгруппе (тут тебе всё вспомнят: и папу, и маму, и потерянный ключ от кабинета, и развод, и многое другое). Потом вопрос слушался на парткоме Внешторгбанка (тут могут всплыть личные симпатии и антипатии более высокого руководства), потом на парткоме Госбанка, потом рекомендацию давали старые коммунисты в Райкоме партии. Только после этого документы уходили «наверх», в ЦК КПСС (и соответственно в КГБ) с сопроводительной запиской о цели поездки. Месяца через полтора после этого, если ответ был положительный, т. е. ЦК выезд данного человека в командировку разрешал, можно было подавать документы на визу. Таким образом получалось, что в некоторые командировки люди оформлялись чуть не полгода (!), а то и больше. Словом, не спешили. Там смотришь, и вопрос перезрел, и в стране X переворот произошёл, т. е. то было с кем договариваться, а теперь не с кем. С юмором было всё в порядке, и мне, помню, когда уезжал в долгосрочную командировку в Египет, пожелали, чтобы командировка была хотя бы подольше оформления.

Политическая ситуация в «моих» развивающихся странах характеризовалась нестабильностью. После очередного правительственного переворота нередко менялось и лицо банковской системы. То появлялись частные банки, то их национализировали, то они вновь становились частными. Соответственно, необходимо было корректировать и наши корреспондентские взаимоотношения. Помню, что в связи с такими переменами мне неоднократно довелось побывать в Турции. Всё это было очень интересно, обогащало мой банковский опыт и выгодно отличалось от спокойной, предсказуемой и, можно сказать, рутинной работы с банками стран Западной Европы. Я тогда очень гордился своей причастностью к этому и не мог, конечно, знать, как пригодится мне этот бесценный опыт в оценке ситуации и, если угодно, предвидении некоторых

событий, когда уже наша страна будет переживать период трансформации экономики.

В 60–70-х годы в Валютном управлении Внешторгбанка СССР существовали специальные рекомендации по приоритетному осуществлению операций через систему совзагранбанков. Их история очень интересна и заслуживает особого рассказа.

Во франкоговорящей африканской зоне предпочтение отдавали «Эйрбанку», а в английской — «Моснарбанку». Через некоторое время часть операций была переведена в бейрутское отделение «Моснарбанка». На страны Центральной Азии работал также «Русиранбанк». На страны Юго-Восточной Азии — Сингапурское отделение Моснарбанка.

Поработав некоторое время в Москве (обычно три-четыре года), молодые специалисты отправлялись на практику за рубеж в один из этих банков. После такой практики, а ещё лучше, после работы в течение 2–3 лет выходили специалисты в области банковского дела практически мирового уровня. Интересно отметить, что такой опыт в советский период нигде в другом месте получить было невозможно. Если человек даже и работал за границей, скажем, в Торгпредстве или в Аппарате ГКЭС, то это было далеко не равнозначно заграничному, поскольку сами организации оставались полностью «осовеченными». А совзагранбанки работали уже в те времена так, как практиковалось во всём мире. Что называется — почувствуйте разницу!

Этот путь прошли многие известные ныне банковские люди, которые внесли каждый на своём месте свой вклад в формирование сегодняшней нашей банковской системы.

Все они высокие профессионалы, что вызывает у меня глубокое уважение, особенно на фоне наплыва в банковскую сферу на волне перестройки разнообразных «специалистов» из самых, порой, экзотических профессий.

Меня тоже направили на практику в Лондон, но оформление длилось, к сожалению, так долго, что к долгожданному моменту я был уже заместителем начальника отдела, поэтому решили, что посылать меня в таком качестве на практику не солидно.

В результате вскоре я оказался Представителем Внешторгбанка в Северной Африке, где мне предстояло проработать более 5 лет. Это были нелёгкие годы.

Египет

Внешторгбанк обратился в ЦК с просьбой разрешить создание Представительства ВТБ ещё в то время, когда шла активная фаза реализации масштабных проектов в АРЕ, а следовательно, шёл большой объём расчётов по линии межправительственных соглашений и в счёт коммерческих кредитов (вспомните, Асуан, Хелуан и др. проекты). Кроме того, осуществлялись военные поставки, трудилось огромное количество специалистов: от экскаваторщиков, которые работали на Египет просто

героически: к концу смены, порой, теряли сознание в своих машинах при температуре 60 градусов С°, — до военных и экономических советников, аппаратов представительств. Однако все решения непроторной бюрократической машиной были приняты, и Представительство было открыто лишь в 1976 г., как раз ко времени, когда президент Египта Анвар Садат в одностороннем порядке денонсировал советско-египетский договор о дружбе и сотрудничестве, заключённый ещё в 1971 году. Он резко сократил численность всех советских представительств и миссий, включая Посольство. Наше посольство в Каире насчитывало тогда 300 сотрудников и было на тот момент самым большим после посольства в Вашингтоне. Садат же хотел, чтобы в нем было не больше 8 человек! Из страны выслали большую группу советских разведчиков. Все наши были очень нервные. При моей первой встрече с нашим Послом тот прямо выразил удивление моим приездом, речь тогда шла даже о разрыве дипломатических отношений между двумя странами. Ещё напряжённей обстановка стала в конце 1979 года, после ввода наших войск в Афганистан. Тем не менее Представительство Внешторгбанка в Египте было открыто и проработало почти 30 лет, выполнив свою роль. Закрыли его только в середине 90-х годов.

По прошествии многих лет, когда я уже снова работал в Москве, в СССР приехала делегация египетского Национального Банка. Принимал ее тогда еще первый заместитель министра внешней торговли СССР В. С. Алхимов. Пригласили во встрече поучаствовать и меня. И вот в начале официальной части от группы отделился руководитель делегации и, извинившись перед Владимиром Сергеевичем за проявление чувств, направился ко мне обниматься. Оказалось, что бывший начальник одного из отделов НБ Египта г-н Зингер, с которым мы тесно работали, сделал карьеру и к тому моменту возглавил Национальный Банк. Он, кстати, по-моему, до сих пор председательствует.

Из Египта я вернулся в октябре 1981 года. Возвращался через Александрию и Одессу морем. Корабль плыл дней 5–6, и вот как раз там я услышал сообщение об убийстве Анвара Садата.¹ Странное было чувство: не скажу, чтобы я сильно расстроился.

Вернулся я во Внешторгбанк, где мне предложили место главного консультанта Правления банка — почетная должность при Юрии Александровиче Иванове, позволяющая эффективно работать. На этом месте я практически продолжал заниматься своими регионами, т. е. Азией, Африкой и Латинской Америкой, но на другом уровне. Кстати, наиболее широкий кругозор, на мой взгляд, у тех специалистов, которые какое-то время занимались именно этими странами. Здесь волей-неволей накапливался опыт — как в этих странах происходили различные процессы:

¹ Президент был убит 6 октября 1981 года во время военного парада участниками организации «Новый Джихад». После него отношения с СССР еще сильнее обострились — нашего посла, шесть дипломатов и ряд советских корреспондентов заставили покинуть Египет в 24 часа, объявив персонами «нон-грата» (*прим. авт.-сост.*).

становления банковской системы, национализации, денационализации, как назревали финансовые и банковские кризисы, как развивалась инфляция и как страны выходили из такой экономической ситуации.

Мои коллеги из банка, да и я, нередко участвовали в правительственных переговорах, поэтому нам приходилось изучать широкий круг торговых, экономических и политических вопросов, выходящих иногда далеко за рамки банковской сферы. Здесь накопленный опыт как раз и пригодился.

Заместителем начальника валютного управления в то время был Владимир Николаевич Горюнов (ставший впоследствии зампредом ЦБ), отличный специалист, позволяющий партнеру иметь свое мнение. По рабочим вопросам мы с ним спорили до хрипоты, но это не сказывалось на наших хороших личных отношениях.

В 80-е годы меня избрали секретарем партийной организации Валютного управления (ведущего управления Банка).

Многие сейчас не упоминают о своей работе в КПСС, а вот лично мне стесняться этого нечего. Я считаю, что многое зависит в этом смысле от конкретного человека, а не только от системы. Можно было быть секретарём и иметь в виду только свою карьеру, а позже и личный бизнес. Такие примеры известны. А можно было работать с людьми так, чтобы система их не сожрала и чтобы была польза обществу. В банке были прекрасные, способные молодые ребята, которые могли бы по ряду причин и жизненных обстоятельств здорово пострадать, в том числе в профессиональном росте, если бы я их по возможности не поддержал. Сейчас они стали известными банкирами у нас в стране, а некоторые за рубежом. Что ж, это очень приятно! Это я считаю одним из важных итогов моей жизни в профессии. Привет им, если прочтут!

По работе приходилось взаимодействовать со многими известными людьми. В частности, периодически звонил сыну Генерального Секретаря ЦК КПСС, первому заместителю министра внешней торговли СССР Юрию Леонидовичу Брежневу (был я с ним в контакте и в 70-е годы, когда он возглавлял Всесоюзное объединение «Промсырьеимпорт»). Активно лоббировали назначение Брежнева в МВТ очень влиятельные в МВТ люди — Комаров и Ожогин (замминистра и начальник валютного управления). Очевидно, чтобы решать вопросы на самом высшем уровне.

Но были в этот период и напряженные моменты. В частности, однажды, почти сразу после возвращения из Египта, пришлось мне по неким внешнеторговым вопросам поехать в Ирак. Тогда шла ирано-иракская война (1980–1988 гг.). Я должен был подписать межбанковское соглашение об урегулировании расчетов за поставку вооружения. Поселили меня в резиденции министра обороны, жду, когда меня примут. Десять дней никаких движений. Потом появляются представители Центрального банка. Изучая документы, я обнаруживаю явную глупость в одном из пунктов формулировка делает экономически нецелесообразной нашу деятельность. За неделю я уломал иракских коллег, они согласи-

лись на мой вариант. Стали ждать, когда вице-премьер, министр обороны Тарик Азиз вернется с фронта и сможет поставить свою подпись. Одновременно я послал согласованный вариант на утверждение в Москву зампреду Внешторгбанка Александру Степановичу Маслову, куратору по вопросам госкредитов. Все изменения я обосновал. Жду несколько дней, ответа из Центра нет. Ну, думаю, что молчание — знак согласия. Наконец приехал Азиз, подмахнул завизированный Центральным банком документ. Сразу после этого появляется наш посол и говорит мне, что из Москвы пришла телеграмма с требованием подписать документ в прежнем виде! А у меня уже чемодан собран, самолет ждет, домой пора улетать — в Багдаде я уже месяц. И всё сначала! Послу отвечаю, дай информацию, что договор уже подписан и я вылетел в Москву. Тем более, что рейс действительно задержали часа на четыре, пока я ждал Тарика Азиза. С тем я и улетел. В Москве в час ночи объявление по громкой связи: «Прилетевший товарищ Форосенко, подойдите к справочной!» Встречает меня водитель банка и сообщает, что Александр Степанович просил привести меня сразу во Внешторгбанк. Там Маслов начинает мне выговаривать: «Ты что натворил?!» И «постановляет»: объявить выговор, лишить многократной визы (а она в банке была практически у меня одного), никаких командировок. За неповиновение! Потом я показывал коллегам свои изменения и все признали мою правоту, но наказание я, тем не менее, получил, правда, значительно меньшее. Это был чистый волонтаризм! Жизнь меня реабилитировала — благодаря моей формулировке мы выиграли за два года 50 млн долларов! Потом начальство пригласило в кабинет. Извиняться в России никогда не умели, да и нужным не считали. Хорошо хоть сгоряча «голову не отсекли», и то спасибо. А вместо слова «молодец!» напоил начальник чаем с лимоном! Такая была моя «медаль», такой был тогда мой «лимон».

Кстати, я уже упомянул, что у меня, практически единственного, была многократная виза для выезда за рубеж. Это еще один парадокс советской системы. ЦК КПСС в 1981 или 1982 году, еще при Брежневем, в целях экономии постановил сократить количество командировок. Для любой поездки стало необходимо писать различных бумаг и обоснований ещё больше, чем прежде. Ограничили продолжительность командировок несколькими днями, за которые решить проблему редко удавалось. Никого не волновало, что в этих командировках на кону были многомиллионные вопросы. В результате экономия выходила боком: сохранив одну тысячу инвалютных рублей, мы теряли по 10 миллионов! Но за это уже никто не отвечал. Однажды уже упомянутый Маслов на просьбу выдать в командировку в Нигерию десять юбилейных монет для подарков, сказал: «Ты веди себя так, чтобы тебя без подарков уважали!» Это в Нигерии-то! И разрешил выдать две монеты. Остальные я, конечно, все равно купил — на свои деньги. Только попросил справку на вывоз дать!

Сингапур

В 1985 году Сингапур покидал Суворов и меня послали на замену ему — заместителем генерального управляющего Сингапурским отделением Московского народного банка. Отвечал я за кредитный портфель. Надо отметить, что полноценное кредитование клиентуры из всех совзагранбанков осуществлял тогда только Сингапур, т. к. Бейрут свои операции прекратил из-за войны. С Сингапуром была также связана давняя история потери больших средств банком. История, с одной стороны, криминальная, а с другой стороны — предсказуемая. Без потерь научиться плавать в мировом финансовом море банкирам из другой социально-экономической системы было невозможно. И тот и другой фактор накладывали свой отпечаток и делали мою должность отнюдь не тёпленьким местечком, а раскалённой сковородкой.

Подтверждением тому явилась история с «Синсовом» (была такая сингапуро-советская транспортная компания), неприятность с которой обнаружилась уже в мою бытность в Сингапуре, в 1986 г. Сразу скажу, что вины банка в этой истории не было никакой, но все тогда здорово испугались, т. к. знали, что далеко не всегда у нас разбираются: у тебя что-то украли или наоборот.

Схематично произошло следующее: руководители с советской стороны чрезмерно доверились китайцам, а те с помощью чеков похитили 6 миллионов долларов. Дело было в том, что одному из советских руководителей было лень ездить самому в порт, на корабле — деньги отдавать капитану на продовольствие, заправку водой и т. д. Он подписывал пустые чеки и отдавал китайцу для заполнения. Тот, не будь дурак, вписывал нужные ему суммы, нес их в банк, где **банк, удостоверившись, что подпись подлинная**, выдавал требуемые суммы. Требуемые китайцем! Чеки проходили через наш банк, поэтому мы были втянуты в разборку. Из Советского Союза приехала комиссия Госбанка, Внешторгбанка, Минфина и Минморфлота. Председателем Госбанка тогда был Виктор Владимирович Деменцев. До 1986 года — первый заместитель министра финансов СССР. Он почему-то хотел видеть виновным наш банк. Мы с Ильей Ломакиным встречались по этому вопросу с Деменцевым, пытались объяснить ситуацию, но в заключение беседы он нас твёрдо обещал посадить. Правда, в конце концов через год мытарств разобрались и признали вину «Синсова».

Управляющим в Сингапурском отделении Моснарбанка всё это время оставался Валентин Дмитриевич Буденный — грамотный специалист с очень специфическим характером. Для иллюстрации всего один забавный случай. Я собирался в отпуск в Москву и попросил своего секретаря купить мне для подарков канцелярских товаров — замазку для исправлений в печатном тексте, ластик, карандаши и тому подобную мелочь. В Москве это было дефицитом. Дал ей для этого собственные деньги. Буденный увидел собранный мешочек с «сувенирами» и экстренно собрал всех советских руководителей и заявил, что произошло

чрезвычайное происшествие! Все напряглись — только незадолго до этого было землетрясение. Кроме того, в предыдущем месяце обанкротилась советская внешнеторговая организация, при этом виновными пытались признать нас. В общем собравшиеся гадали, какое ЧП нас вновь посетило. Валентин Дмитриевич начал торжественно: «В Москву уезжает Владимир Иванович и для него приобретаются канцелярские товары! А я таких распоряжений не давал!» У моих коллег от сердца отлегло, но они для порядка повозмущались моим самоуправством и тратой государственных денег. Я молчу, Буденный раздувает конфликт. Наконец я не выдержал: «Я попросил **своего** секретаря купить товары на **мои личные** деньги! Что здесь преступного?» После трагичной минуты молчания покрасневший начальник произнес: «За свой счет — хоть синхрофазотрон!»

В конце моего пребывания в Сингапуре Буденного сменил Семикоз, приехавший из Лондона, вполне европейского типа банковский руководитель, но с ним мы проработали только полгода.

До сих пор, даже по прошествии многих лет и, пожив в разных уголках мира, Сингапур того времени вспоминаю (да, насколько знаю, и не только я, а многие, кто там тогда был) как потрясающее яркое и экзотическое жизненное впечатление. И, к сожалению, дух какой-то самобытный под натиском ультрасовременного стиля жизни потихоньку, но верно рассеивается. Бывал я в Сингапуре позже, но очарования такого, как было в конце 80-х, уже, к сожалению, не нашёл. Но это отдельная тема...

Попутно хочется два слова сказать ещё об одной примете советского периода, про которую сейчас уже, видимо, никто и не помнит. Это изъятие большей части зарплаты. Работая в Сингапуре, по сути в английском банке с советским капиталом, формально я получал там по тем временам большую зарплату 9000 сингапурских доллара (примерно четыре с половиной тысячи долларов американских). Однако тогда существовала система, по которой фактически советский работник иностранной или смешанной компании мог получать только процентов 15–18 от этой суммы. Всё остальное я обязан был сдать государству. Это вам не налог 13%! В день зарплаты я писал заявление с просьбой перечислить это самое «остальное» — 7500 из 9000 на некий счет во Внешэкономбанке, т. е. фактически отправлял в бюджет. Эту систему упразднили в середине 90-х.

А тогда получалось явное несоответствие между нашей номинальной зарплатой и нашим уровнем жизни. Конечно, мы это всё старались не афишировать, но китайцам наверняка всё было видно. Со своей небольшой зарплатой я мог (и должен был) порой приглашать китайских партнёров в ресторан, а получалось в основном наоборот. За что нас наверняка считали жмотами! Приходилось врать, что, поскольку все квартиры, пожилые члены семьи и проч. и проч. в Москве, то приходится туда отправлять деньги! Надо сказать, на жизнь там мы много не тратили,

часто ходили в недорогие китайские забегаловки (это, конечно, принципиально другой уровень — бытовой). Но и отложить денег не удавалось, если ты не был «совзагранжмотом». Надо было прилично одеваться, одевать семью, платить за обучение сына. В общем — только-только...

Аргентина

В Аргентину я впервые поехал на разведку в 1987 году из Сингапура. Меня вызвали в Москву, и зампред Внешторгбанка В. В. Геращенко дал задание: уже три года ведутся переговоры об открытии в этой стране представительства банка и никак не завершатся — разберись. Полетел из Сингапура через Австралию, Новую Зеландию в Буэнос-Айрес. Там быстро нашел необходимые контакты с Центральным банком Аргентины, другими необходимыми инстанциями. Подготовил документы на открытие представительства. Сказали ждать месяц. А я уже знаю, что это по-местному может быть и полгода, и год! Начал подталкивать — за три года уже столько денег израсходовано на одни командировочные расходы, что все устали ждать.

Неожиданно меня вызывает к себе посол Квасов. Это был настоящий карьерный дипломат. И сообщает мне, что пришла телеграмма из Москвы от В. В. Геращенко и мне срочно надо лететь в Панаму, чтобы встретиться с председателем Центрального банка этой страны. Других разъяснений нет. В Посольстве Панамы мне сразу выдали дипломатическую годовую многократную визу! В Панаме из советских людей был только представитель «Совавтоэкспорта» Родин. Автомобилями мы торговали через Аргентину, а туда по необходимости отправляли заказанные экземпляры. В Панаме в гостиницу за мной приехала машина. Дальше всё пошло как-то очень странно: привезли меня... в подвал (!) Центрального банка, оттуда на лифте подняли прямо в кабинет председателя. Представились друг другу, я сказал, что готов обсудить интересные его вопросы (какие — не знаю!). Проговорили мы часа три. Он интересовался и структурой нашей банковской системы, и особенностями работы Госбанка и Внешторгбанка СССР, денежным обращением в нашей стране, валютным обращением, внешней торговлей и т. д. Широкий круг вопросов. Я вначале даже понять не мог целей моего приезда. Наконец он переходит к основной теме. У руководства Панамы есть опасение, что США может арестовать их авуары. Поэтому они хотят их перевести в Советский Союз! И еще Панама планирует провести денежную реформу и просит нас напечатать денежные купюры и выпустить металлическую монету.

На это я дал следующие советы: авуары лучше переместить в Чехословакию, Польшу или Кубу. Так как когда, например, арестовывали кубинские авуары в американских банках, арестовали и наши. Так что у нас вы деньги не спасете! Лучше обратитесь к нашим друзьям из стран народной демократии. Деньги печатают Венгрия и Польша. Собеседник меня поблагодарил и я, как было указано, полетел через Кубу в Москву

доложить об итогах встречи. Совершив первое полное кругосветное путешествие.

Председателем Внешторгбанка тогда был Юрий Сергеевич Московский. И у него было указание от самого генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева не поддерживать никаких контактов с Панамой, а обо всем связанном с нею немедленно сообщать наверх. Михаил Сергеевич очень боялся расстроить чем-либо американцев — Панама была зоной их интересов. Геращенко, дав мне задание, об этом не знал! О моем визите составили записку Горбачеву. В ней говорилось практически о несанкционированной встрече с руководством Панамы! Я возмутился — подо что вы меня подставляете?! В результате отредактировали текст, и получилось что-то вроде этого: «Наш представитель в Латинской Америке встретился с председателем Госбанка Панамы по его просьбе, на встрече обсуждались такие-то вопросы, даны были соответствующие разъяснения, у панамской стороны вопросов больше нет...». Пока не прояснилась и не успокоилась ситуация, я неделю находился в Москве в «подвешенном состоянии».

Только вернулся в Сингапур, звонят из Аргентины — приезжай, документы готовы, нужно твое присутствие. Опять лечу через Австралию. Потом везу документы в Москву, там мне заявляют: «Вот ты и будешь этим представителем! Тем более в Панаме боевое крещение прошел!» Возвращаюсь в Сингапур за семьей, совершив за короткое время свою вторую «кругосветку».

Должность моя в Буэнос-Айресе считалась на уровне замторгпреда, только свободы было больше. В общем, ничего, работать можно. Снял офис в центре, взял местного секретаря.

Занимался снова урегулированием расчетов. Причем здесь задолженность в основном была наша. Наша страна поставляла в Аргентину сельскохозяйственную технику, антиградовые ракеты, машинотехническое оборудование. Мы также строили большие объекты гидроэнергетические. Вообще возможности для экспорта были огромные, они приняли бы даже наши утюги и черно-белые телевизоры. Так что у меня работы было много. Покупали же мы мясо, шерсть, кожу. Зерно покупали за золото, по прямым межгосударственным договорам, поэтому оно не входило в мою компетенцию. Работали через Креди Лионне (Credit Lyonnais), также у нас были взаимные счета с Национальным банком Аргентины (это не Центральный банк, а коммерческий, но на 100% принадлежащий государству), и мы фактически занимались клирингом.

Постоянно собирали и обрабатывали информацию об экономике страны. Это был очень интересный период развития Аргентины. Когда я только приехал, заработанные деньги было негде потратить. Продовольственные товары стоили раз в 10 меньше чем в Сингапуре. В частности, за доллар можно было купить ящик (5-6 кг) мандаринов, слив или помидоров. Причем изумительного качества. Потом начала свирепствовать гиперинфляция. В начале 1 песо стоил 1 доллар, песо обесценился,

появился аустраль, тоже привязанный к доллару. Через три с половиной года 1 доллар стоил 10 тысяч аустралей! Однажды жена присмотрела себе костюм. После обеда, обменяв деньги, она пришла за ним, но он стоил уже в два раза больше. Одно время инфляция была равна 1% в час! Кредиты выдавали за 2% в час. Так что в наши 90-е годы у меня уже не было шока.

В конце 1988 года правительство приняло решение заморозить все текущие счета граждан и фирм на 10 лет. Погашение предусматривалось начать только через 2 года и потом равными долями в течение 8 лет погашать. Кафе и ресторанах опустели, дня три люди помитинговали, потом переплыли реку Парану, в Уругвае взяли свои деньги, и аргентинцы заполнили любимые кафе: пьют, гуляют — в стране внешне все нормально! Оказывается, в основном у всех знающих обычаи своего правительства кое-какое сальце было припрятано в Уругвайских банках — т. е. в местной Швейцарии. Были вновь, конечно, и те, кто понёс большие финансовые потери. Некоторые, например, как у нас в эпоху Лёни Голубкова, продали свою недвижимость, дома в погоне за банковским процентом. И тут, представьте, замораживание вкладов...

Труднее всего пришлось, ровно как позже и у нас в 90-х годах, пенсионерам и работникам госсектора, их реальная зарплата упала в 10 раз. После выступлений трудящихся через некоторое время определенные суммы своих средств ежемесячно разрешили брать.

Разработчиком реформы был министр экономики Эрман. Поэтому радикальные постановления назывались просто Эрман-1, Эрман-2, Эрман-3.

В 1989 году в Аргентине разразился острый экономический кризис, сопровождавшийся катастрофическим ростом цен. На состоявшихся в мае 1989 г. Всеобщих выборах победу одержал кандидат Хустисиалистской партии Карлос Менем.

Аргентина приступила к осуществлению революционных реформ, значительно снизивших степень государственного вмешательства в экономику. Новый президент выдвинул аргентинскую программу преодоления гиперинфляции (ее автором был министр экономики Аргентины Доминго Кавалло). В ее основу была положена схема, которую аргентинцы называли «конвертируемостью», а экономисты — управляемостью валюты.

В соответствии с законом, песо было привязано к доллару США как 1:1, став полностью конвертированной валютой. Количество же денежных знаков, выпущенных в обращение, было привязано к резервам валюты, имеющейся у центрального банка страны. Жесткое соблюдение этого условия принесло вначале стабильность цен, а затем и экономический рост. Если в 1989 году темпы роста инфляции составляли 200% в месяц, то в 1993 году они не превышали 0,7%.

Но успех отвернулся от реформаторов в 1995 году, когда из-за мексиканского кризиса страна лишилась зарубежных инвестиций, а с ними и вну-

тренней ликвидности, в результате чего развитие национальной экономики резко замедлилось, а уровень безработицы достиг 18 процентов¹.

Архитектор экономических реформ Аргентины Доминго Кавалло. 3 апреля 2002 года бывший министр экономики Аргентины был заключен под стражу в связи с его предполагаемым участием в незаконных поставках оружия в Хорватию и в Эквадор. Спустя неделю на его имущество был наложен арест.

В Буэнос-Айресе — столице второго по величине государства Латинской Америки — идут кровопролитные бои. Число жертв достигло 14 человек. Президент страны объявил чрезвычайное положение. В отставку подало правительство.

Голодные бунты в Аргентине начались после того, как правительство приняло жесткие меры в связи с ухудшающимся экономическим положением, заморозив личные счета граждан, ограничив снятие денег через банкоматы. После этого денежная система Аргентины практически рухнула, так как по стране стали появляться бартерные клубы, где, например, сапожник мог обменять изготовленную обувь на хлеб.

«Отцом» реформ в Аргентине является министр экономики Доминго Кавалло. Его отставки в первую очередь потребовали жители страны. Средства массовой информации указывают, что ограничительные меры были приняты правительством Аргентины в связи с требованиями МВФ, поставившего сокращение расходов условием предоставления дальнейших займов. При этом недавно экономическая модель развития Аргентины называлась «аргентинским чудом» и предлагалась как образец для стран с переходной экономикой, в том числе России. Большинство местных экономистов полагают, что Аргентине грозит катастрофический дефолт по внешним платежам и девальвация песо по отношению к доллару.

<http://www.mayak.ru/>

Работая в Аргентине, мне пришлось в деталях разобраться в технологии производства кожи, шерсти, для того чтобы давать осмысленные советы нашим компаниям, выходящим на этот рынок. По команде из банка выезжал в командировки в другие страны Латинской Америки: Чили, Уругвай, Парагвай, Колумбию, Бразилию.

Любопытно, что в Парагвай я попал практически одним из первых советских официальных лиц. А дело было так. Однажды в аэропорту я встретился с легендарным аргентинским предпринимателем Дранниковым. Его родители приехали в Латинскую Америку еще в начале XX века. О нем, кстати, книга Юрия Григорьевича Слепухина «Южный крест». Там же оказался еще один потомок русских эмигрантов с простой фами-

¹ В начале же 2000 годов произошел финансовый обвал (прим. авт.-сост.).

лией, кажется, Ермаков. Мы познакомились, и он пригласил меня к себе в Парагвай, где возглавлял русскую диаспору.

Русские мигранты в Парагвае объединяются в Ассоциацию АРИДЕП. Ее руководитель — потомок казаков Николай Ермаков. В настоящее время она объединяет свыше 40 русских и русскоязычных общин Парагвая. Информационная связь между ними осуществляется главным образом через «Нашу страну», газету русскоязычной диаспоры в Аргентине. Она же публикует объявления о спресе парагвайских фирм и предприятий на российскую продукцию. Ведутся переговоры о создании Русской деловой ассоциации в рамках торгово-экономического блока МЕРКОСУР, в который входят Аргентина, Бразилия, Парагвай, Боливия и Чили (прим. авт.-сост.).

«Если бы не русские офицеры, мы бы давно загнали ваше войско за реку Парагвай!» — написали на доске в окопе боливийцы, проигравшие Парагваю войну 1932–1935 годов. Западная провинция Чако-Бореаль уже семьдесят лет является неоспоримой территорией Парагвая. В этом огромная заслуга трех тысяч русских солдат и офицеров, поддержавших свою вторую родину в войне, которую развязала подстрекаемая Вашингтоном и Лондоном Боливия. В парагвайской столице Асунсьоне и других городах страны улицы и проспекты носят имена русских воинов: Команданте Саласкин, Команданте Беляев, Команданте Канонников, Офисьеро Серебряков. На карте Асунсьона значится улица России. А на западе страны есть Фортин-Серебряков. Там же стоит памятник русскому генералу И. Т. Беляеву (1875–1957) — главному военному советнику парагвайской армии. В 30-40-х годах он также являлся советником правительства по проблемам индейцев и освоения новых земель...

Парагвайский лидер Альфредо Стресснер, правивший страной с 1954-го по 1989 год, был ярким антикоммунистом. Однако он всячески поддерживал русскую диаспору и лелеял ее самобытность. По словам Стресснера, «многие тысячи одаренных, культурных людей из бывшей России стали достойнейшими гражданами и патриотами своей новой родины — Парагвая. Мы обязаны ценить и помнить их вклад в укрепление обороноспособности и в развитие экономики нашей страны...»

Но «русский Парагвай» — это не только история. Сегодня здесь проживают около 30 тысяч выходцев из Российской империи и СССР, преимущественно русские. Они работают в сфере образования, науки, в сельском хозяйстве. Здесь, на когда-то целинных землях на севере и западе страны, до сих пор сохранились колонии толстовцев, основанные еще в первые годы XX века.

Алексей Чичкин, Иван Пригожин.
Южноамериканский агропромышленный комплекс
поставили на ноги выходцы из России //
«Русский Предприниматель», март, 2006 г.

Окончание в 1935 г. войны, не принесшей победы боливийцам, явилось началом новой жизни русской колонии. Теперь слово «русский» звучало в Парагвае по-иному. Отблеск славы отважных воинов осветил жизнь всех их сограждан, тоже иммигрантов. Постепенно ряд кафедр Университета Асунсьона возглавили именно русские. При их доминирующем участии был создан инженерный факультет. Дорожное хозяйство республики, система электроснабжения, школы хореографии и вокала организованы в Парагвае были тоже усилиями россиян.

Татьяна Владимировна //

По материалам журнала «Латинская Америка», 15.12.02

Меня не нужно было долго уговаривать, стало чертовски интересно, что это за страна такая, которую из наших мало кто видел, прямо «Земля Санникова» какая-то. Но проблемой оказалось получение визы, дипотношений между нашими странами не было. Наконец нужные контакты были найдены, виза получена. И скоро я уже расположился в гостиничном номере огромных размеров в столице Парагвая. Оказалось, в стране живет много очень богатых русских и украинцев. В правительстве из 12 человек, шестеро тогда были славянами! В мою честь диаспора даже устроила концерт художественной самодеятельности.

Соотечественников очень интересовали опреснительные установки, дорожная техника, техника для строительства дамб, я об этом сообщил торгпреду в Буэнос-Айресе, меня поддержали. Завязались сначала торговые, а потом и дипломатические контакты с Парагваем. Было принято решение, что роль посла России в Парагвае будет выполнять по совместительству наш посол в Аргентине.

Дипломатические отношения между Парагваем и Россией установлены Совместной декларацией от 14 мая 1992 года, подписанной в Монтевидео, Уругвай, послом Республики Парагвай Бенито Перейрой Сагьером и послом РФ Игорем Лаптевым. Посол Лаптев оценил этот шаг как «исторический» для двусторонних отношений, тем более что Парагвай стал первой страной, которая установила отношения с РФ после распада СССР. С октября 1992 года в Асунсьоне действует консульское представительство, с 1997 года в Москве действует посольство Парагвая. Подобный шаг призван способствовать налаживанию двусторонних отношений и активизации сотрудничества во всех областях, а также расширению представительства Парагвая.

Парагвай решил сотрудничать с Россией для того, чтобы активизировать товарообмен между странами. Учитывая сложившуюся в России ситуацию, Парагвай мог бы поставлять на российский рынок продукты, прежде всего продовольственные, поскольку цены на них в Парагвае ниже, чем в европейских странах. К примеру, такие товары, как соя, мясо, молоко, рис, а также кожа, шерсть, нашли бы неплохой спрос в Рос-

сии. Последняя в свою очередь могла бы экспортировать высокие технологии, энергоресурсы и ряд товаров, необходимых на парагвайском рынке¹.

<http://catalog.fmb.ru/paraguay15.shtml>

В 1991 году моя командировка заканчивалась и я собирался возвращаться домой в Москву. На 20 августа у меня был назначен прощальный прием на 100 человек. Посол пытался отговорить: в СССР происходили необычные события. В то время послом в Аргентине был недавно назначенный Никитин. Он поспешил поддержать ГКЧП, даже выступил в местной прессе по этому поводу. Насколько мне известно, его быстро потом поменяли. На мои проводы пришло человек 200, и они превратились практически в пресс-конференцию. Забавно было и то, что сразу появилось много свободных мест на рейс «Аэрофлота», в обычное время они бывают раскуплены возвращающимися матросами на долгое время вперед. Я улетел из Буэнос-Айреса 21 августа 1991 г. Одна крупная уругвайская компания предлагала мне остаться и даже давала пакет акций сахарного завода в 5 млн долларов. Им был нужен банкир, специалист по России. Но я в этом направлении всерьез даже не задумывался. А мои связи с Аргентиной на этом не прервались, я возвращался к этой стране и позже.

¹ Кстати, по решению парагвайского правительства посольство этой страны в Москве в 2001 году закрыто «в целях экономии средств». В 2001 году по тем же соображениям упразднено и российское (*прим. авт.-сост.*).

Алексей Вадимович

Чернов

Горькие уроки кризисов

Я, как и многие мои друзья, пришел в банковскую систему после Московского финансового института. В 1975 году я был распределен во Внешторгбанк, но, проявив некоторую инициативу, перераспределился на работу в Госбанк СССР в Валютно-экономическое управление. Руководителем управления был тогда Герман Иванович Скобелкин, а банк возглавлял Мефодий Наумович Свешников.

Первые полтора года я числился в вычислительном центре, в ВЭУ не было свободных ставок. Однако работал я с самого начала в ВЭУ, в отделе международных валютно-финансовых организаций и банков. Отдел занимался, в частности, выяснением: стоит ли вступать Советскому Союзу в Международный валютный фонд, Всемирный банк и региональные банки развития. Исследования были чисто теоретические, так как понятно, что такие решения принимались не в банке. И вопрос состоял не в экономической целесообразности. Помимо прочего, я занимался и вопросами сотрудничества с Международной организацией по стандартизации. Направление считалось очень перспективным, но в действительности таковым не стало, и в результате всех сотрудников, работающих по этой программе, в дальнейшем разбросали по разным отделам. Заодно упразднили и сам отдел — его функции передали в Отдел развитых капиталистических стран, которым тогда руководил Олег Владимирович Можайсков.

Получилось это для меня неожиданно. В 1976 году я, как молодой специалист, поехал работать вожатым в пионерский лагерь, на все три летние смены, а когда вернулся, выяснилось, что моего отдела уже нет. Я оказался не только не при деле, но еще и не в штате.

Весной того года разразился известный скандал в Сингапурском отделении Моснарбанка. Многие сотрудники ВЭУ Госбанка, владевшие английским, в том числе и я, готовили срочные переводы документов, присланных из Сингапура. Все лето там работала комиссия во главе с председателем Внешторгбанка Ю. А. Ивановым. После проверки были приняты очень суровые организационные меры воздействия. В день, когда я вернулся в банк после пионерлагеря и отпуска (7 октября 1976 г.), снимали Юрия Алексеевича Балагурова, заместителя